

Мобильные телефоны улавливают микроволны. Кредитные карточки универсальной толщины (0,76 мм) проскальзывают в слот банкомата в любой точке мира. Компьютеры синхронизируются. Мировая транспортная система и промышленное производство регулируются размерами грузовых контейнеров. Эти повсеместные и на первый взгляд незначительные явления — приметы глобальной инфраструктуры.

Слово «инфраструктура», как правило, вызывает ассоциации с физическими сетями — транспортными, информационными или инженерными. Это либо скрытый пласт, либо связующая среда. Однако сети — это не только подземные трубопроводы и переплетения оптоволоконного кабеля, проложенного по дну океана. Это пучки микроволн, отражающиеся от спутников, и рассеянные по миру электронные устройства, и общие технические платформы. Инфраструктура, зачастую вовсе не скрытая, предоставляет точки связи и доступа, позволяющие обнаружить в пространстве повседневности базовые правила мироустройства.

Другое, возможно, более важное наблюдение: здания и даже целые города стали сегодня инфраструктурными технологиями. Повторяющиеся формулы — от типовой пригородной застройки и скоростных трасс середины XX века до торговых центров, курортов, гольф-клубов и гипермаркетов современной культуры — определяют значительную часть обитаемого мирового пространства. Из уникальных оболочек, созданных вручную, здания превратились в легко воспроизводимый пространственный продукт. На долю архитектуры в мировом освоении пространства сегодня приходится тонкая струйка, в то

время как все остальное выливается из брендспойта стандартизации. Знакомое конфетти ярких коробок на черном асфальте и зеленой траве рассказывает тщательно разработанные истории о кофе Starbucks, булочках с кремом Beared Papa и сетевых гольф-клубах Арнольда Палмера. Эти откровенные шаржи на абстрактное мышление формируют большую часть пространств, в которых мы с вами обитаем. Сегодня не только небольшие поселения и курорты, но и все города мира строятся по формуле, в соответствии с которой в любой части света, как правило, воспроизводится Шэньчжэнь или Дубай.

Какой бы знакомой ни была эта конфигурация, массовая культура все еще не нашла убедительного способа показать разрыв между объектом и средой. Произошло размывание границ между реальным объектом и матрицей: инфраструктура уже не просто основа градоустройства — она и есть само градоустройство, и именно она определяет параметры глобального урбанизма. Город как собрание уникальных архитектурных шедевров остался в прошлом. Непрерывное производство пространственных продуктов и градостроительных формул становится все более инфраструктурным. Архитектура сегодня — это камень, брошенный в воду, где вода — весь мир.

ВИКТОР ГЮГО НА КОНФЕРЕНЦИИ TED

В «Соборе Парижской Богоматери», знаменитом романе XIX века, события которого разворачиваются в XV веке, Виктор Гюго писал: «...Вместе с развитием человеческой мысли, стало развиваться и зодчество [речь в данном случае идет о соборе]; оно превратилось в тысячеглавого, тысячерукого великана и заключило зыбкую символику в видимую, осязаемую бессмертную форму». Словами архидьякона, одного из героев романа, он предсказал, что изобретенная Гутенбергом новая технология может побороть этого великана. Печатное слово подчинит себе творческое воображение и похитит у архитектуры ее сверхъестественную силу. «Книга убьет здание».

На первый взгляд, современное представление о городском пространстве как продукте инфраструктурных технологий подтверждает мысль Гюго о смерти архитектуры. Информационный взрыв — также бесспорный факт. И здесь у Гюго, безусловно, есть шанс вступить в XXI век, совершив головокружительный разворот. Он может восстановить пространство в его праве на выражение невербализуемой культурной фантазии. Он способен доказать, что таинственный тысячеглавый, тысячерукий великан воспрял к жизни благодаря бурному росту мощной материальной невербальной среды — матрицы всемирной инфраструктуры. Этот новый великан к тому же является секретным оружием самых могущественных в мире людей. Его нельзя погладить или приручить, зато им можно манипулировать, его можно использовать. Для этого необходимо

искусство политики — искусство, основанное, казалось бы, на совсем безыскусном материале. Пространственные технологии могут обладать силой и действенностью если не текста, то программного обеспечения: это постоянно обновляющаяся платформа градостроительства. Руководствуясь принципом «нечто убивает нечто», Гюго мог бы сочинить новый культурный мем: поверженная книгой архитектура возвращается, воплощенная в еще более могучей сущности — *в самой информации*.

Это, конечно, потребовало бы от людей из TED некоторых дополнительных усилий. Гюго должен был бы стать немного бодрее, жизнерадостнее. Решающее значение здесь имеет диспозиция выступления: кто говорит и как, кто повторяет и для кого. Новый, предприимчивый Гюго не станет выступать перед архитекторами. Гюго XIX века наделил архитектуру экзистенциальной тревогой по поводу утраты ее мистической силы, отчего «архитектурная» часть романа утомляет заламыванием рук и критическим самоанализом. Нет, Гюго XIX века, если его должным образом направить, будет выступать перед совершенно другой аудиторией, нацеливаясь на главных игроков в зале, которые если что-то и понимают про силу пространства, то именно потому, что не обременены архитектурной культурой. Искусство архитектуры — это то что нужно, но здесь-то и таится главная сложность для Гюго. Ему необходимо отойти от архитектуры, чтобы вернуться к ней в куда более осмысленной аудитории.

Магию придется искать в самых заурядных пространствах, но Гюго отлично справится. Для этого у него есть борода. «Архитектура и есть информация». Требуется, конечно,

пояснения, но звучит хорошо. На неопределенности тоже можно сыграть. С микрофоном-петлицей и хорошим пиарщиком Гюго может претендовать на статус этакого таинственного — пусть даже немного сектантского — гуру. В промоматериалах и на суперобложках его произведений будет часто появляться слово «одержимый». Все это отлично продается, и самая разная публика, затаив дыхание, будет внимать непредсказуемому Гюго. «Архитектура и есть информация». Гюго становится прибыльной отраслью. TED процветает.

ВЕЛИКАН КАК ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНФРАСТРУКТУРЫ

В загадочном тысячеглавом тысячеруком великане, созданном Гюго, аудитория TED увидит правильную модель для описания роли пространства в глобальной политике. Некоторые из наиболее радикальных перемен, связанных с глобализацией, описываются не языком юриспруденции или дипломатии, а с помощью «вирусных» пространственных формул. Исключенные из законодательного процесса, глобальные инфраструктуры *de facto* создают свои формы правления быстрее, чем официальные государственные органы могут их узаконить.

Попытаемся взглянуть на великана через инфраструктурную модель Дубая и Шэньчжэня — зон свободной торговли. В начале XX века зона свободной торговли представляла собой обнесенную забором территорию для хранения беспошлинных товаров. Когда на этих же территориях стало развиваться производство, Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) начала продвигать их как средство для стимулирования экономики развивающихся стран. Свободная зона, управляемая особым образом, освобождается от соблюдения налогового, трудового и природоохранного законодательства, действующего на остальной территории страны. Изначально эти послабления задумывались как способ обойти местную бюрократию, но вскоре туда устремились корпорации и представители городской администрации. Чтобы опробовать принципы свободного рынка, Китай решил распространить эту модель на целый город. Первым

и самым заметным из таких городов-зон стал Шэньчжэнь. Так в мире возникла почти маниакальная страсть к поощряемому урбанизму. Хайтек-Сити в Хайдарабате или Экономический город Короля Абдаллы в Саудовской Аравии вскоре пополняют список урбанизированных свободных зон, рассредоточенных по всему миру. Вступление в подобную сеть принято праздновать, украшая свои корпоративные бизнес-парки сверкающими небоскребами и пафосными символами национальной гордости. Растущие по экспоненте города-зоны, занимающие от нескольких гектаров до нескольких квадратных километров, появились уже почти во всех странах мира. Зоны поглощают города.

Свободная зона стала синонимом глобального рынка. Это идеальная структура для «экстернализации» — уловки, с помощью которой корпорации обходят препятствия на пути к прибыли. Например, разместив штаб-квартиру в Дубае, компания Halliburton уклоняется от соблюдения законов своей страны. Разрекламированная как стратегия свободного рынка, свободная экономическая зона превратилась в инструмент манипулирования рынком на основе «вашингтонского консенсуса», предложенного Всемирным банком и МВФ. Будучи субоптимальным экономическим инструментом, зона стала так популярна, что многие крупные города создают двойников — собственные, не подконтрольные государству территории. Так, двойником Мумбая стал Нави-Мумбай, а Нью-Сонгдо-Сити уже отбрасывает тень на Сеул. Но всем им далеко до казахской Астаны, застроенной знаменитыми архитекторами, которые использовали древние мотивы в духе Чингисхана (пирамидальный Дворец Мира и Согласия, гигантский шатер со своим микроклиматом, под

которым расположился развлекательный центр Хан-Шатыр). Астана — это особая экономическая зона, ставшая столицей государства, от которого она, по сути, отделена. Для государства зона — это лазейка в собственном законодательстве и посредник в тайных и потенциально высокоприбыльных сделках. (В TED это принято называть «полный улет».)

Еще одна выгодная позиция с хорошим видом на великана — это глобальная сеть широкополосных коммуникаций. Здесь легче всего заметить неявные или скрытые силы, на которые у нас еще не наметан глаз. В 2000 году в мире было менее 800 миллионов мобильных телефонов. К 2010 году их стало 5 миллиардов, и большая их часть используется в развивающихся странах^[1]. Развитие сетей широкополосного доступа является основой правительственных программ многих стран, а такие международные организации, как Всемирный банк и ООН, считают его приоритетным направлением. Право на доступ к мобильной телефонии, которую Всемирный банк назвал «крупнейшей в мире распределительной платформой», рассматривается в одном ряду с правом на воду и пищу^[2]. Для проникновения на рынки густонаселенных стран, переживающих невероятный рост мобильной телефонии, предприниматели высчитывают сложные коэффициенты и применяют методы краудсорсинга. В странах, где доступ к Интернету обеспечивается через мобильный телефон, Веб 2.0 меняет сельское хозяйство, банковскую сферу, медицину и образование, за которыми следуют соответствующие перемены в градостроительстве. Скажем, в Кении, получившей международный подводный оптоволоконный кабель

одной из последних, местоположение этого кабеля — предмет жесточенной конкурентной борьбы. До сих пор неясно, поспособствует ли он ускоренному развитию уже существующих городов в коридоре между Момбаса и Найорби, созданию новых анклавов, наподобие упомянутых свободных зон, или обеспечит развитие сельских районов страны. Государство, а также любой из сонма негосударственных игроков (НПО, провайдеры, многонациональные корпорации, управляющие компании) — в любой комбинации — могут приобрести контроль над этим инфраструктурным пространством и создать монополию или искусственный дефицит.

Публично заявлено, что и свободные зоны, и «широкополосная» урбанизация зиждутся на свободном рынке, свободной торговле или открытом доступе. Однако в реальности мы имеем дело с диким чудовищем, причем продуманной политической реакции на его действия пока просто не существует. Зона остается вне поля зрения, уклоняется от соблюдения законов и обходит политические декларации, грозящие усилить трение в ее хорошо смазанных механизмах. «Широкополосная» урбанизация — это сложный эквилибр с участием независимых игроков, способных концентрировать власть или просто оставаться незаметными среди запутанных управленческих схем. Связь между заявленными намерениями и наблюдаемыми результатами их деятельности практически отсутствует. Здесь, как в шайке контрабандистов, где множество участников выполняют рутинные задачи, не имея представления об организации в целом, процесс идет сам по себе, независимо от политических деклараций, иногда с опережением законодательства. В результате мы имеем завышенные цены на

мобильные телефоны в Найроби или мир, состоящий главным образом из автономных загородных поселений, и причины этого не вполне ясны. Это и есть волшебная сила великана, а точнее — ловкость его рук. И вопрос скорее не в том, кто устанавливает правила, а в том, кто или что создает условия, в которых возможно одно и невозможно другое. Даже если удастся обнаружить великана в облаке его эфемерной активности и запутанных отношений, непонятно, как им управлять и каковы будут политические последствия. Важные подсказки можно найти в самих пространственных схемах, однако чрезвычайно трудно определить, где расположены тумблеры и рычаги, их включившие.

После выступления на конференции TED нашему Гюго организуют поездку в Давос. Если к бороде, микрофону-петлице и пиарщику прибавить мокасины, можно устраивать дорогостоящие семинары, где за хороший гонорар Гюго объяснит, что он на самом деле имел в виду, утверждая, что «архитектура и есть информация» или «инфраструктура — это форма правления».

ДЕЙСТВИЕ ЕСТЬ ФОРМА

Доказательства существования великана можно найти в практической деятельности, но его также можно обнаружить, освоив новый способ мышления. Своим постулатом «the medium is the message» Маршал Маклюэн открыл новую территорию, просто изменив привычный ход наших мыслей. Эту формулу так часто повторяли, что все по крайней мере делали вид, что понимают, о чем речь. Может быть, постулат Гюго «архитектура и есть информация» — тоже своего рода культурный мем, достаточно емкий, чтобы вместить идею нового великана и дать ей ход. Маклюэн хотел вывести на передний план не контент, а сами принципы работы и арсенал средств коммуникации — от печатных изданий до радио и телевидения. Контент же был «сочным куском мяса, который приносит с собою вор, чтобы усыпить бдительность сторожевого пса нашего разума»^[3]. Наше сознание приучено анализировать мир, называя и обозначая явления. Поэтому осязаемым является только контент — история, рассказанная на радио. Как работает само радио и как оно организует слушателей, определить сложнее. Это все равно что знать о камне, брошенном в воду, но не иметь представления о воде.

Чтобы понять смысл высказывания «архитектура и есть информация», то есть сделать воду осязаемой, необходима работа мысли, схожая с исследованием принципов работы радио, но подразумевающая преодоление ассоциаций, связанных со словом «информация». Информация, особенно в цифровой культуре, это

текст или код — то, что появляется на экране и распознается с помощью одного из множества языков. Чем шире распространяются подобные устройства, тем сложнее найти пространственные технологии или сети, не зависящие от цифрового мира. Мир становится «Интернетом вещей», где умные здания, умные машины взаимодействуют с бесчисленными мобильными телефонами и цифровыми устройствами. Почти каждая отрасль знания в XX веке оказалась подчиненной информатике, поскольку стремилась опереться на информационные системы управления, позволяющие на основе вычислений и измерений давать более или менее достоверные прогнозы.

В число таких отраслей попала и архитектура, что можно увидеть в работах Седрика Прайса и Кристофера Александра. Такие гуру юнца XX века, как Кевин Келли, на волне экономических успехов цифровой индустрии предлагали нам представить себе машины как «микросхемы с колесами», самолеты — как «летающие микросхемы с крыльями, [здания —] как микросхемы для жилья и большие микросхемы для содержания овец и коров. Естественно, все они будут материальны, но каждый грамм их вещественной сущности будет просто напичкан знаниями и информацией»^[4].

Однако некоторым кибернетикам середины XX века, тем, что предсказали цифровую революцию, но еще не были окружены ее продуктами, возможно, проще было осознать, что все — бессловесное, инертное, человеческое и нечеловеческое, нецифровое — может переносить информацию и что физическое

устройство инфраструктурного пространства само по себе является информацией. Этнограф, философ и кибернетик Грегори Бейтсон рассматривал информацию как элементарную частицу обмена у племен Новой Гвинеи, на занятиях «анонимных алкоголиков» или в общении дельфинов. (Он предположил, что щелчки в языке дельфинов примерно соответствуют нулям и единицам в двоичной системе.) Бейтсон без труда разглядел бы в неодушевленных объектах способность действовать и обмениваться информацией, а еще порассуждал бы о характере или политическом смысле этих отношений. Ему принадлежит знаменитая формула «информация — это безразличное различие»^[5]. В качестве примера информационной системы он приводил такую: «человек — топор — дерево». И здесь нет ничего «сверхъестественного»^[6]. Расширять возможности объектов с помощью цифровых технологий или покрывать их датчиками вовсе необязательно. В той степени, в какой они способны создавать «безразличные различия», они способны оказывать влияние, иметь намерения и вступать в отношения, что в целом и представляет собой *информацию*. Информация проявляется не в тексте и не в коде, но в *деятельности*. Для Бейтсона любое из инфраструктурных пространств мира могло бы, подобно системе «человек — топор — дерево», производить и организовывать информацию. В определенном смысле его точка зрения исчерпывающее объясняет постулат Гюго «архитектура и есть информация».

Однако идея о том, что информацию несет скорее действие, нежели системы кодирования, должна пробиться через культурные

стереотипы. Как оценить деятельность или информационный обмен в статичной системе таких привычных пространственных инфраструктур, как автодороги, электросети или пригородные поселения? Ведь обычно они рассматриваются не как акторы, а как совокупность объемов или объектов. Действовать могут исключительно движущиеся машины, электрической ток или жители. Мы не привыкли к тому, что деятельность может проявляться в отношениях между различными частями структуры и в их взаимном расположении.

Однако если приглядеться к типовой пригодной застройке, становится очевидным, что в ее структуре заключено вполне конкретное действие. Девелопер строит не 1000 индивидуальных домов, а высаживает эдакую «грядку» — 1000 панелей, 1000 рам, 1000 крыш и так далее. Собственно дом — на фотографии или вышитый гладью — подобен маклюэновскому контенту, он отвлекает нас от того, что происходит на самом деле. Совокупность домов обнаруживает стремление организовать жизнедеятельность людей, населяющих эти дома. Структура предпочитает повторяющиеся действия и превращает устройство индивидуального жилища в маргинальный жест. На практике получается нечто вроде протокола или нецифровой пространственной программы, которая одновременно генерирует и оформляет процесс создания домов. Относительные изменения в такой структуре и являются, по выражению Бейтсона, «небезразличными различиями». Структура *действует*, а изменения внутри нее и есть информация. Если мы сконцентрируем внимание на отдельном доме, этот масштабный процесс останется для нас почти неразличимым — призрачным

великаном на заднем плане. Архитектор, обученный создавать оболочки, будет стремиться спроектировать индивидуальный дом, который можно показать, и в итоге падет жертвой маклюэновского medium или ожившего великана Гюго.

Даже если некоторые виды деятельности организации не заявлены публично, мы тем не менее можем посмотреть на то, что заявлено: на сценарии и промоистории, которые она производит. В сценарии может быть попросту предписано применение определенных технологий, например, выбор для освещения электричества. В нем могут также содержаться идеологические обоснования для использования этой технологии или промоистория, которая и станет контентом, — например, «колониальные» виллы на Кейп-Коде или коттеджный поселок рядом с поместьем короля гольфа Арнольда Палмера. Автомагистрали по традиции ассоциируются с такими ценностями, как свобода, демократия или патриотизм. Свободная экономическая зона — с открытостью и упрощением бюрократических процедур (этакий мегамаркет для глобального бизнеса). Мобильная телефония — с процветанием и открытым доступом к мировым информационным сетям. Сценарий может стать самой толстой жилой в любой инфраструктурной сети, поскольку он фактически определяет технологию и подчиняет ее себе. Изучение сценариев позволяет выявить деятельность, в них не упомянутую или даже прямо им противоречащую, как в случае с поглощающей индивидуальные дома типовой девелоперской застройкой.

Инфраструктурного великана можно рассмотреть через призму его деятельности, пусть и не обозначенной, но имеющей

важные последствия. Пространство, на котором он действует, не отменяет создания форм — скорее указывает на дополнительные возможности их создания посредством особых сил. В соответствии с определенными сценариями формы, реализованные как деятельность («грядки» домов), образуют целый ряд форм, реализованных как объекты (дома). Если деятельность архитектора — это камень, брошенный в воду, где вода — весь мир, тогда камень — это объектная форма, а воду можно было бы назвать *активной формой*. Перефразируя Маклюэна: действие есть форма.

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА КАК АКТОРЫ ИЛИ АКТИВНЫЕ ФОРМЫ

Когда план по превращению Гюго в звезду сработает, тезис «действие есть форма» может лечь в основу эссе об идеях, построенного по принципу детектива (назовем это подходом а la New Yorker). При таком подходе обычно используется следующая схема. Автор с разными уровнями самомнения/скромности, ведущий повествование от первого лица, встречается с разными мыслителями. Каждая встреча дает нам ключ к пониманию идеи. Здесь важен прямой контакт. Особо заковыристого мыслителя рассказчик встречает морозным осенним днем. Или в просторной нью-йоркской квартире, габариты которой в итоге помогают ему постичь проблемы мировой финансовой системы. Или же перед ним специалист по физике элементарных частиц с взлохмаченными рыжеватыми волосами, зачесанными на кюсой пробор. Подобные описания помогают читателю понять, к примеру, теорию струн. И это работает.

У социолога Бруно Латура темные волосы, зачесанные на кюсой пробор. Он говорит с французским акцентом и работает над развитием тезиса «действие есть форма». В своей акторно-сетевой теории он выдвигает предположение, что инфраструктурные пространства типа социотехнологических сетей создаются не только людьми, но и технологиями, причем сами технологии участвуют в этом процессе как акторы, или «актанты». «Актанты» «производят некие действия»^[7]. Технологии влияют на запросы социальных сетей, а те, в свою

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru